

А. В. Востриков

Е. В. Балобанова. Записки слушательницы С.-Петербургских Высших Женских Курсов I выпуска (1882 г.)

Заслуги Екатерины Вячеславовны Балобановой в истории отечественного женского образования, библиотечного дела, кельтологии и литературы только недавно стали привлекать внимание исследователей¹. Биографические сведения о ней скупы и не всегда достоверны. О событиях 1860–1870-х гг., проведенных ею преимущественно во Франции и Германии, а также в русской провинции, мы знали только по ее устным рассказам ученицам и знакомым, в фрагментарной и неточной передаче. Между тем именно эти годы были чрезвычайно важны для становления этой замечательной женщины, ее научного и общественного характера. Е. В. Балобанова оказалась очевидцем событий франко-прусской войны и Парижской коммуны, изнутри познакомилась с жизнью немецких университетов; по возвращении в Россию она

¹ См.: Подольская И. И. Балобанова Екатерина Вячеславовна // Русские писатели 1800–1917: Биографический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1: А–Г. С. 146; Семенихина М. В. Ирландские мотивы в русской литературе Серебряного века // Мифы и реальность в современной англоязычной картине мира: Сборник материалов конференций. Вып. 1 / Под ред. И. Б. Руберт. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. С. 73–81; Таланова А. Н. Бретонская культура в творчестве Е. Балобановой // Образ европейца в русской и американской литературах: Материалы IX международной научной конференции «Художественный текст и культура» 20–22 октября 2011 года. Владимир: Транзит-ИКС, 2012. С. 60–64; см. также подготовленные нами издания: Библиотека Бестужевских курсов: Историческая хроника в свидетельствах и документах / Сост. А. В. Востриков. СПб.: СПбГУ, 2009; Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: Труды, документы, воспоминания / Сост., автор ст. и коммент. А. В. Востриков. СПб.: СПбГУ, 2014.

стала одной из немногих в то время интеллигентных русских женщин, ищущих пути независимой жизни. Публикуемый мемуарный текст восполняет биографическую лакуну, а также представляет интерес как еще одно свидетельство событий европейской и отечественной истории.

Е. В. Балобанова родилась в 1846 г. (по другим сведениям — в 1847 г.) в Нижнем Новгороде в дворянской семье; в 1857–1862 гг. воспитывалась в Нижегородском Мариинском институте благородных девиц (выпущена с отличием). В середине 1860-х гг., желая продолжить образование, Балобанова уехала к родственникам в Бретань, где изучала бретонский, а потом и другие кельтские языки сначала под руководством дяди, а затем в учебных заведениях Парижа, Гейдельберга и Геттингена; после возвращения в Россию поступила в 1878 г. на С.-Петербургские высшие женские («Бестужевские») курсы, где занималась в семинаре академика А. Н. Веселовского. С 1882 г. занимала должность библиотекаря курсов.

С 1880-х гг. Е. В. Балобанова активно занималась литературной деятельностью. Она подготовила первый полный прозаический перевод на русский язык «Оссиановских поэм»² и составила несколько книг (преимущественно для юношеской аудитории), основанных на собранном во время жизни в Европе фольклорном материале³.

«Записки слушательницы...» являются продолжением автобиографического цикла: «Кавказские воспоминания: Из рассказов бабушки старшим внукам» (1899; 6-е изд.: 1914) и «Пятьдесят лет назад: Воспоминания институтки» (1913). В мемуарных текстах Е. В. Балобанова иногда «подправляла» отдельные факты биографии, опускала «несущественные» детали, изменяла хронологическую последовательность; в рассказе об известных исторических событиях обычно опиралась на устоявшиеся объективированные (в частности словарные) оценки⁴. Однако вся эта обработка носила не сущностной, а косметический характер; в основе повествования всегда оставалась неповторимая, полная встреч и событий жизнь автора. Внести же необходимые коррективы, восстановить реальные хронологию и обстоятельства помогает краткая повесть «Моя автобиография», составленная Балобановой по просьбе С. А. Венгерова в 1913 г.⁵

«Записки...» были начаты, вероятно, в 1913–1914 гг., однако вскоре интенсивная работа была приостановлена и продолжалась урывками (о чём свидетельствует, в частности, стилистическая неоднородность частей). Вызванный

² *Макферсон Д.* Поэмы Оссиана Джемса Макферсона (J. Macpherson. Poems of Ossian) / Исслед., пер. и примеч. Е. В. Балобановой. СПб.: Журн. «Пантеон литературы», 1890.

³ Библиографию научных и литературных трудов см.: Екатерина Балобанова... С. 140–147.

⁴ Подробнее см. наш комментарий к «...Воспоминаниям институтки» (Екатерина Балобанова... С. 92–93).

⁵ Опубликовано нами: Екатерина Балобанова... С. 76–90.

войной кризис в издательской области не позволял надеяться на скорое издание книги. В 1916 г. перенесла инсульт О. М. Петерсон, ближайший друг Е. В. Балобановой, с которой она более тридцати лет делила кров, работу в Коломенской женской гимназии и целый ряд совместных научно-литературных трудов. Последующие три года (до самой смерти Петерсон) Балобанова все силы отдавала уходу за полупарализованной подругой. Постоянное эмоциональное напряжение усугублялось происходившими революционными событиями, ликвидацией Бестужевских курсов как самостоятельного учебного заведения и присоединением их к университету, беспокойством за судьбу созданной почти сорокалетним трудом бестужевской библиотеки, тяжелым материальным положением. Постоянную поддержку Е. В. Балобановой в это время оказывали ее ученицы — помощницы по библиотеке. Видимо, по их настоянию она составила вступление и перебелила написанное начало «Записок...», надеясь продолжить работу. Однако к середине 1920-х гг. здоровье Е. В. Балобановой было окончательно подорвано, она практически ослепла, жила в полуподвальной комнате на нищенское пособие (из библиотеки, уже университетской, ее сократили без пенсии). В последние годы жизни, до самой смерти, последовавшей в феврале 1927 г., она разбирала свой архив и библиотеку, раздаривая книги, оттиски и рукописи друзьям и знакомым. Видимо, в это время рукопись «Записок...» была передана ее ученице, выпускнице Бестужевских курсов Евлалии Павловне Казанович, заведовавшей в то время библиотекой Пушкинского Дома, от которой она (судя по карандашной записи на обложке) и поступила в Рукописный отдел.

Публикуется впервые по рукописи: РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 1а–29. Орфография и пунктуация приведены к современным нормам с сохранением индивидуальных особенностей; очевидные описки исправлены.

В октябре 1918 года С.-Петербургские Высшие Женские Курсы были переименованы в III Государственный Университет, а в октябре 1919 г. слиты с Университетом и, таким образом, Высшие Женские Курсы, прожившие своей жизнью и со своими традициями, со своими собственными средствами, ровно сорок лет (с октября 1878 по октябрь 1918 г.), перестали существовать, и страница их истории дописалась до конца.

Мы, обломки прошлого (немного нас уже осталось), невольно оглянулись по ту сторону этих сорока лет и можем сказать последующим поколениям:

Вас не было там, где мы были, —
Где будете — нам не бывать!

Постараемся же восстановить ту историю этих сорока лет, свидетельницами которой мы были, и по возможности нарисовать картину нашего бытия до них и после...

После выпуска из Института

Я окончила курс в Нижегородском Институте в 1862 году, в момент общей сдвижки русской жизни, и сразу попала в водоворот и новой обстановки, и новых понятий, и новых идей.

Мои родители, богатые помещики, к моему выпуску были совершенно разорены, но не уничтожением крепостного права, а раньше: только крепостная зависимость как будто что-то еще поддерживала. Мой отец был долгое время уездным предводителем дворянства в разных уездах: всегда весь уезд у нас пил, ел и веселился, а денег, разумеется, никто не считал. Кроме того, отец весь был соткан из увлечений: то он переселялся в Москву, где вместе со своим другом, известным в то время московским актером Живокини⁶, сорил деньгами, создавая небывалых знаменитых комиков, из которых, по уверению моей матери, выходили трагики для его кармана; то строил в глухих уездах огромные дома со всякими причудами, стоявшие потом долгие годы пустыми и заколоченными, то разводил английские парки и т.п.

Когда формировалось ополчение в Севастопольскую войну, он снарядил на свой собственный счет целый батальон, что уже окончательно нас разорило.

Девятнадцатое февраля⁷ застало отца в должности предводителя дворянства и ему уже совершенно некогда было заниматься личными делами. К тому же имения наши, все небольшие, были разбросаны в разных уездах Нижегородской и Симбирской губерний, а когда на него напирали мировые посредники с требованиями уставных грамот, то он поступал очень просто: отпускал крестьян с землей и усадьбами на волю, т.е. безвозмездно, и таким образом роздал не менее трех тысяч десятин, оправдываясь тем, что ему нет времени возиться с такой мелочью. Моя мать не умела удерживать его от такой расточительности и только продавала свои бриллианты и жемчуга⁸, чтобы вносить проценты в Опекунский Совет или для покрытия разных недоимок. Когда стало ясно, что мы совсем разорены, мать настояла на том, чтобы дворянство взяло в опеку все наши имения, надеясь таким образом что-нибудь сохранить для детей; но вышло еще хуже: отец обрадовался, что ответственность снята с него, и уже совершенно перестал заниматься нашими делами и смеясь рассказывал:

— Представьте, небывалый случай, — предводитель под опекой! Дворянство, между тем, ни за что не хочет его освободить от предводительства!

⁶ Живокини Василий Игнатьевич (1805 или 1807–1874) — знаменитый московский комик, актер Малого театра; с середины 1830-х гг. часто выступал в провинции (в том числе в Нижнем Новгороде).

⁷ 19 февраля 1861 г. был подписан манифест об отмене крепостного права.

⁸ «Бриллиантов и жемчугов у матери было очень много, так как она была рожденная Демидова, из рода Демидовых Сан-Донато» (Прим. Е. В. Балобановой). Анна Александровна Балобанова, мать мемуаристки, происходила из другой ветви демидовского рода; Анатолий Николаевич Демидов, первый князь Сан-Донато, приходился ей троюродным дядей.

Опекуны попадались один хуже другого, и у матери совсем опустились руки!

Из нас, детей, дома оставалась только я, младшая. Старший брат командовал чем-то на Кавказе и, несмотря на наши настоятельные просьбы приехать помочь нам, присылал почти все деньги, но приезжать отказывался, писавши, что привык воевать с врагами, а не с мошенниками-опекунами, а потому не может быть нам полезен.

Второй брат был сослан в Вятку: он тоже был военный, стоял с полком в Польше во время тамошнего восстания, влюбился в какую-то польку; вышла большая история, и только благодаря его крайней молодости, он еще не был совершеннолетний, его не расстреляли и не осудили за измену, а просто исключили из службы и сослали. Этого удара отец наш не мог перенести и скончался в начале 1864 г., да и брат вскоре последовал за ним; сначала брат впал в религиозный экстаз, и священник, у которого он было поселился, после его смерти писал нам, что такой праведной кончины он не запомнит за свою долгую жизнь. Младший брат жил у бабушки, ничего не делал, не хотел учиться и «пил горькую», как говорится.

После кончины отца все наши имения были проданы с аукциона, и мы с матерью остались, по ее выражению, на соломе.

Но пока мы не огляделись, не сосчитали, что у нас есть, мать свезла меня в Петербург и поместила в знаменитый тогда пансион М-лле Труба⁹. Положим, это нам ничего не стоило, так как я жила у кузины Суцовой, которая за меня и платила, но всё же это было совершенно потерянное время: я совсем не подходила ни по обстановке, ни по манерам, ни по нарядам, ни даже, что греха таить, ни по знаниям, и М-лле Труба, придя от меня в ужас, отпустила вскоре восвояси.

Вернувшись домой, я узнала, что денег у нас осталось гораздо меньше ожидаемого, и я стала искать места. Мы переменили образ жизни, но скорее внешне, чем радикально: правда, мы нашли квартиру в четыре комнаты, продали лошадей, экипажи, распустили весь штат: повара, лакеев, горничных, — при нас осталась только дочь моей кормилицы, которая так меня любила, что служила в институте, пока я там училась, а когда я окончила, перешла к нам и теперь решила исполнять должность и кухарки, и горничной, и прачки. Но сами мы продолжали вести тот же образ жизни, какой вели до смерти отца, и по окончании траура опять принялись за привычный строй высшего провинциального общества: т.е. участвовали во всех увеселениях, балах, спектаклях и т.п. Но мысль найти какое-нибудь место меня не покидала. Вскоре в нашем институте открылась вакансия немецкой классной дамы, а моя мать, как я ее ни уверяла, что эта роль не по мне, что я по-немецки знаю плохо¹⁰, ни за что не верила: «Это всё

⁹ Анжелика-Савиния Труба состояла наставницей при дочерях вел. кн. Михаила Павловича, а также содержала пансион для девиц на наб. Екатерининского канала. В тексте неточность: должно быть «М-ме Труба».

¹⁰ «См. Институтские Воспоминания: «Пятьдесят лет назад» (Прим. Е. В. Балобановой).

твои капризы,» — говорила она, и сама написала принцу Ольденбургскому¹¹, с которым была знакома, но будто бы от меня.

Сама она знала по-немецки еще хуже моего; к счастью, ее мечта рассеялась навсегда: Принц прислал это письмо в институт как образчик удивительной орфографии девицы, кончившей курс с отличием.

Тут уже я решила взять свою судьбу в собственные руки, и мама перестала мне противоречить: я открыла маленькую школу в наших же четырех комнатах: мама взялась учить по-французски, она отлично знала этот язык, и рукоделию; моя институтская подруга Надя Кайзер немецкому языку, рисованию и чистописанию, я — остальным предметам. Детей набралось около двадцати человек, всё больше наши соседи: дети приходского причта, купцов, ремесленников, но были и знакомые из высшего нижегородского общества и несколько иностранцев, по преимуществу французов. Все дети были дружны между собой и с нами, были веселы и довольны. Мы с Надей учили их танцевать, мать играла на фортепьяне, учили и петь французские песенки, что производило большой эффект, даже у родителей, о детях, разумеется, говорить нечего. Школа наша просуществовала всего две зимы, но с многими из ребят мы остались в дружбе чуть ли не на всю жизнь: моя мать крестила потом у большинства вышедших замуж учениц; на свадьбы обычно получали приглашения, и хотя я редко впоследствии бывала в Нижнем, но если узнавали о моем приезде, — то вся наша молодая ватага являлась к нам кто с пряниками своего печенья, кто с орехами, кто с яблоками из своего сада, кто с домашними лакомствами. На похоронах моей матери, умершей через тридцать лет после закрытия школы, собрались все жившие еще в Нижнем ученики и ученицы!

К сожалению, как я уже сказала, школа наша просуществовала всего две зимы¹²: денег она, разумеется, давать не могла, мы брали с детей по три рубля в месяц, а наш запас, при нашем образе жизни, таял весьма быстро, и пришлось принять приглашение старшего брата и ехать к нему на Кавказ¹³.

¹¹ Ольденбургский, принц Петр Георгиевич (1812–1881) — государственный деятель; среди прочих званий и должностей он был главноуправляющим IV Отделением собственной Е. И. В. Канцелярии и главным начальником женских учебных заведений Ведомства учреждений императрицы Марии.

¹² В «Моей автобиографии» организация собственной школы отнесена к концу 1862 — началу 1863 г.; в конце 1863 г. Балобанова уже покинула Нижний Новгород, так что ее первый педагогический опыт (упомянутый вскользь) не мог продолжаться дольше нескольких месяцев.

¹³ Майор (капитан?) Михаил Вячеславович Балобанов был воспитателем в Нижегородской Графа Аракчеева военной гимназии в 1878–1880 гг. Другими сведениями о нём мы не располагаем.

Кавказская жизнь¹⁴

Жизнь на Кавказе для меня была волшебным сном!

Я никогда не могла себе представить до сих пор ничего подобного, — хотя в детстве провела целую зиму в Швейцарских горах, не говоря уже о том, что подолгу и часто гостила в Бретани у моей тетки, сестры моего отца, которая была замужем за бретонским землевладельцем и жила там в своем имении¹⁵. Но такой пленительной красоты и такого разнообразия от снежного и страшного ледяного Эльбруса до тропической красоты Закавказья, от грандиозного Кавказского хребта с Казбеком и бесконечно синего или скорее сизого Черного моря, и такого удивительного воздуха я представить себе не могла! Не говоря уже о самом образе жизни, совершенно необычной, шумной лагерной обстановке и т.п. Брат был начальником стрелков, бывал в постоянных разъездах, вводя в своем районе новое оружие в войсках. Меня он брал всегда с собой, так как мама не выдержала жизни даже в Пятигорске: Машук и Бештау, совсем обыкновенные горы, давили ее; так что с последними осенними каретами и пароходами она благополучно вернулась в Нижний. Вероятно, брату было неудобно возить с собой такой балласт в лице двадцатилетней особы, но он смирился, не показывая и тени неудовольствия, — а я наслаждалась, ни о чем не думая.

В это время брату выдали премию за какое-то изобретение, и он разделил полученные двенадцать тысяч¹⁶ между мамой и мной, причем посоветовал мне, не теряя времени, ехать за границу доканчивать образование, так как у нас еще негде было учиться. Я очень обрадовалась и, недолго раздумывая, летом в 1866 году через Новороссийск и Марсель уехала к тетке в Бретань, а осенью того же года поступила в Сорбонну на курсы *Faculté des lettres*, по совету дяди, на отдел *langues celtiques, grammaire et philologie*¹⁷. В Сорбонне все очень удивились такому выбору и даже вначале делали мне затруднения при записи. Разумеется, никто не знал, что помимо моей склонности к этой отрасли знаний, — я была более всего подготовлена к ней: с детства я владела старым простонародным бретонским наречием, правнуком старокельтского, благодаря жизни у тетки и нашей деревенской обстановке.

¹⁴ «См. мою книгу «Кавказские воспоминания»» (Прим. Е. В. Балобановой).

¹⁵ Их имя (возможно, неточно) названо Балобановой в «Моей автобиографии»: «Теперь этот род совсем угас: графы де ла Вьер» (Екатерина Балобанова... С. 79).

¹⁶ Годовое жалованье армейского майора в 60–70-х гг. XIX в. составляло 530 руб. (см.: Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993. С. 345).

¹⁷ В «Моей автобиографии» говорится, что Балобанова поступила на «<...> частные однолетние курсы «*Pour les institutrices etrangeres*». Эти курсы принесли мне огромную пользу: кроме французской грамматики, диктовки, стиля, декламации и др. элементарных предметов, — мы слушали французский эпос у самого Leon Gautier и старофранцузский язык у старика Paulin Paris и т.п. Я прослушала весь курс, но не решилась сдать экзамена, особенно по стилю, без которого всё равно меня не пропустили бы» (Екатерина Балобанова... С. 86).

Приятель и земляк дяди, знаменитый Ренан¹⁸, помог мне своим авторитетным влиянием, и я попала к Darbois de Jubainville¹⁹, не имевшему тогда еще постоянного курса и охотно принявшего меня на свои *cours libres*, на которых я и работала вплоть до их закрытия, т.е. до начала франко-прусской войны.

Война 1870–1871 гг.

Война была объявлена, как известно, летом²⁰ и застала меня в Марселе, куда я приезжала во время каникул, чтобы заработать немного денег. У моих друзей, Крыловых, была транспортная контора, Krilof, Corbey et Co, для перевозки вина из Испании в Россию, и я была им полезна. На другой день после объявления войны в Марсельской гавани не осталось ни одного парохода или судна, так что пришлось добираться до Парижа где немножко по железной дороге, где в телеге, а где просто пешком. Немецкие полчища шли сплошной волной прямо на юг, катились, как стремительный бурный поток, без всякого удержу и задержки. Я кое-как добралась до аванпостов Швейницевской армии²¹, где был русский госпиталь, под управлением доктора Бубнова, моего родственника²². Бубнов не только дал мне денег, но он добыл мне от самого Швейница пасс и свободный проезд в вагонах немецкого поезда. Таким образом, я доехала совершенно благополучно до французских линий и попала туда накануне, так сказать, Седана.

²³*В конце августа 1870 г. французская армия Мак-Магона после тщетных попыток освободить Мец и после неудачного сражения при Бомоне отступила*

¹⁸ Ренан, Эрнест (Renan; 1823–1892) — чрезвычайно популярный во второй половине XIX в. писатель и историк; родился в бретонском городе Трегье, недалеко от которого жили родственники Е. В. Балобановой.

¹⁹ Д'Арбуа де Жубэнвиль, Мари Анри (d'Arbois de Jubainville; 1827–1910) — французский историк, археолог и филолог, специалист по кельтским языкам; после окончания Школы хартий в 1852 и до 1880 г. заведовал архивом департамента Об (г. Труа).

²⁰ Франция объявила войну Пруссии 19 июля 1870 г.

²¹ Швейниц Лотар фон (Schweinitz; 1822–1901) — прусский генерал и дипломат; в 1869–1876 гг. посол Северогерманского союза (а затем Германской империи) в Австро-Венгрии; в 1876–1892 гг. германский посол в России. В военных действиях во время франко-прусской войны Л. фон Швейниц не участвовал; возможно, Е. В. Балобанова спутала (или контаминировала) его с командовавшим на первом этапе войны 1-й армией генералом Карлом Фридрихом фон Штейнмецем (1796–1877).

²² Бубнов Николай Дементьевич (1837–1889) — врач; с 1869 г. старший чиновник при Медицинском департаменте МВД, врач Преображенского полка и личный врач принца П. Г. Ольденбургского; во время франко-прусской войны принимал участие в деятельности так называемого «Базельского агентства» («Международного агентства в Базеле», действовавшего под эгидой Красного Креста). Впоследствии почетный лейб-медик, медицинский инспектор Ведомства учреждений императрицы Марии. Н. Д. Бубнов был первым браком женат на Евгении Александровне Демидовой, кузине (четвероюродной сестре) Е. В. Балобановой.

²³ Весь последующий абзац, выделенный *курсивом*, является извлечением (с сокращениями) из статьи «Седан» в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза–Ефрона (Т. 29 (57): Сахар — Семь мудрецов. 1900. С. 309–310; без подписи).

к Седану. В ночь с 31-го августа на 1-е сентября баварский корпус был выдвинут с целью преградить французам возможность ускользнуть через Бельгийскую границу, а другой — не должен был пускать их в Мезьер. Сражение 1-го сентября началось до рассвета, — Мак-Магон, раненый гранатой, оставил поле сражения, сдав командование генералу Дюкро, который приказал начать отступление, но энергичный генерал Вимфен, как старший, отменил это приказание, хотя это ничего не спасло. Вскоре французы, окруженные со всех сторон, были притиснуты к Седану, в котором начались пожары и страшные взрывы; в 5 часов утра французы выкинули белый флаг: прусский король приказал прекратить огонь и велел вступить в переговоры с Вимфеном, но вдруг вместо последнего неожиданно наткнулся на Наполеона III, который объявил себя военнопленным. Однако Мольтке было поручено, не обращая внимания на последнего, сговориться с Вимфеном об условиях капитуляции, обрекавшей все главные французские силы на сдачу в плен. Тогда сам Наполеон вступил в переговоры с Бисмарком о допущении французским войскам, сдав оружие, перейти Бельгийскую границу, на что немцы не согласились, и к 11 часам утра 2 сентября капитуляция была подписана и вся французская армия начала перевозиться в Германию. Таким образом, был положен конец второй империи, и 4-го сентября в Париже была провозглашена республика!

Доехав до аванпостов французской армии, не капитулировавшей у Седана, я попала к разбитому корпусу Фроссара, притиснутого к Швейцарской границе, который сдавал оружие швейцарцам, переходил уже ее в качестве простых граждан.

Это была довольно внушительная картина! Швейцарцы в своих средневековых одеждах и блестящих латах стояли шпалерами и пропускали обезоруженных поодиночке солдат и офицеров.

Я надеялась, что смогу перейти тоже границу с обозом; немецкого пасса я, разумеется, не показала, но с русским, казалось мне, не могло быть задержки, то же думала и маркитантка, внушившая мне эту мысль, но нам не пришлось в голову, что я приехала в немецком вагоне, а следовательно, не могла воспользоваться никакой льготой.

Пока шла эта сумятица с перевозкой Седанской армии в Германию, а ландвера во Францию, для охраны границы, я была беспрепятственно пропущена в Париж, где и осталась у своей сорбоннской хозяйки, которая обещала меня содержать до лучших дней. Теперь мы надеялись на лучшие времена!

Но как, как мы ошиблись! В Париже 18 марта была провозглашена Коммуна. Она длилась всего 72 дня, но наделала неисчислимых бед!

Коммуна

²⁴Для привлечения сторонников коммунары объявили свободу для рабочих, повышение заработной платы, свободу союзов, стачек, уничтожение ренты, передачу всех орудий производства в руки рабочих, передачу им всех заводов и фабрик, возвращения им всего, что было ими заложено, выкуп всех их вещей и т.д., и т.д.

Коммуна образовала Совет, в котором не было ни даровитых военначальников, ни испытанных государственных людей: все члены Совета до тех пор были просто агитаторы. Из более даровитых можно было бы назвать Дела-кюза, но он теперь был уже развалиной, и Феликса Пиа, довольно даровитого публициста, но только теоретика, необычайно тщеславного и при этом трусливого. Самые выдающиеся в Совете были Франкель, Верлен и Малон: они лучше других понимали социальный вопрос, действовали благоразумнее и держались вдали от преступлений Коммуны. Самая крайняя коммунистическая фракция были бланкисты, названные так по имени своего основателя Бланки. Они представляли собой элемент, не останавливавшийся ни перед какими бы то ни было²⁵ преступлениями или насилиями. Самый способный из них был Эд. Вместе с ним в Совете заседали и самые ярые ораторы парижских клубов якобинского направления, например, живописец Курбе, Верморель, мечтатель Флуранс и бульварный фельетонист Валлес. Были, их немало, простые болтуны, честолюбцы без знания людей и истории, как Рауль Риго и Ферре; были, разумеется, и самые последние подонки общества.

Конечно, такой состав Совета Коммуны представлял картину полного хаоса: было множество партий, из которых каждая поддерживала членов своей фракции и раздавала им высшие должности, а других, даже самых способных, отвергала и агитировала против них. Совет был одновременно и законодателем и высшим правительственным учреждением; между тем он не имел не только программы для своей деятельности, но даже знаний, — как такие программы могут составляться. Разумеется, духовенство было лишено всех прерогатив: церкви и церковное имущество было у него отнято и оно оставлено безо всякой помощи. К чести большинства членов Совета, конечно, кроме крайних подонков общества, оно отличалось суровой честностью: например, известный Советский министр финансов, так называемый главный бухгалтер, ворочавший миллионами коммунарских денег, Журд, брал для себя лично только жалованье мелкого конторщика, а его жена продолжала служить прачкой. Все главные члены Совета довольствовались тем жалованьем, которое они по-

²⁴ Последующий фрагмент, выделенный курсивом, являются пересказом, с включением словных цитат, статьи «Коммуна Парижская» в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза—Ефрона (Т. 15А (30): Коала—Конкордия. 1895. С. 874—879; без подписи); ошибки в написании отдельных фамилий исправлены автором публикации.

²⁵ Так в тексте.

лучали и раньше, — кто жалованьем наборщика дешевой типографии, кто слесарного подмастерья и т.п.

Разруха и беспорядок были полные: никто никого не слушался, полиция ни во что не вмешивалась. Например, казалось, пресса была стеснена до крайности, а газеты противоположного направления не только продолжали выходить, но можно было их свободно покупать на всех углах и бульварах.

Всем было ясно, что война между республиканцами и коммунарами была неизбежна. Коммунары решительно не могли справиться со своей задачей, шли без всякого плана, забывали защищать самые важные форты и занимались почти исключительно изданиями приказов и декретов, которые звучали гордо, хвастливо, но неубедительно.

Первая стычка между коммунарами и республиканцами произошла 2-го апреля и всем стало ясно, с какой жестокостью будет вестись борьба: первые попавшиеся коммунары, захваченные в плен, были немедленно расстреляны республиканцами. Коммунары Эд, Дюваль и Флуранс сделали вылазку, но без всякого плана, и она кончилась полной неудачей, а Флуранс и Дюваль, попавшиеся в плен, были немедленно расстреляны озлобленными версальцами, т.е. республиканцами. Коммуна назначила главнокомандующим коммунара Кюзере, но вскоре его сместила, кажется, за его полную неспособность, и его заменил поляк Домбровский, издавший приказ об обязательной службе всех парижан от 17 до 40-летнего возраста, но этот приказ оставался пустым звуком, так как его никто не исполнял. Во многих промышленных центрах население приняло коммунистическую программу безо всякого плана и воодушевления, а потому при входе в эти города республиканцев немедленно сдали ее в архив, так сказать.

После этого стало ясно, что падение Парижской Коммуны было только вопросом времени. Более двухсот тысяч республиканцев окружили Париж. Мак-Мазон собрал их из военнопленных Меца и Седана, отпущенных немцами в первую очередь. Один за другим переходили в их руки важнейшие пункты, а 21 мая без боя они вступили в город. Теперь версальцам оставалось еще завоевать улицы, и началась жесточайшая борьба с ужасающими подробностями, свидетельницей которой отчасти была я.

Мы жили в rue de l'école de Médecine у самой площади, но к нашему счастью в этом школьном районе хотя и были непрерывные пожары, но не так близко к нам, чтобы могли нам угрожать серьезной опасностью²⁶. Коммунары издали приказ, чтобы все дома, из которых выселялись, по их приказанию, их сторонники коммунары, немедленно взрывались на воздух, не обращая внимания на то, оставались ли там другие жители или нет. Разумеется, тут действовала часто и личная месть: в некоторых домах прямо запирались мирные жители, которыми коммунары почему-либо были недовольны или на которых были злы.

²⁶ Улица Rue de l'École-de-Médecine находится в Латинском квартале (Балобанова называет его «школьным»).

Всю эту страшную неделю, с 21 по 28 мая, мы, разумеется, не спали: все ночи были светлее дня, — взрывы, стоны, вой собак, оставленных в горящих домах, были неописуемы. Хотя пожары и взрывы не угрожали нам гибелью, но всё же они были настолько близко, что не было возможности хотя бы на минутку забытья!

На Медицинскую площадь фельдшера и студенты начали свозить мертвых, обожженных, сваренных заживо. Мертвых складывали в подвалы анатомического театра, полуживых — приносили к нам, т.е. на улицу rue de Médecine, а вскоре все дома нашего квартала были ими заполнены. Мы спали днем, по очереди, т.е. если можно сказать, что мы спали; за провизией ходили тоже по очереди: покупали хлеб, картофель и овощи, что же касается до мяса, то оно не только нам стало бесконечно противно своим запахом, но даже наша собака немилосердно выла, когда ей его подносили.

Между другими мертвыми студенты принесли расстрелянных коммунарами епископа Дарбуа и нескольких священников²⁷.

Но вот 26 мая пожары и взрывы, как будто, стали реже и дальше, но мы еще не могли успокоиться. Однако версальцы окружили коммунаров сплошной стеной, а 28-го мая Коммуна пала безвозвратно и начались суды и ссылки, но казней сравнительно, как говорят, было не более тридцати. Сослано же было более двухсот тысяч коммунаров²⁸ и между ними честный Журд и Рошфор. Конечно, жаль было Журда, но Париж вздохнул свободно!

Из Коммунаров лично я знала двоих, Henri Martin²⁹ и Жаклара, последний был женат на Корвин-Круковской, родной сестре С. В. Ковалевской³⁰. Это были, разумеется, не крайние и очень просвещенные социалисты. Когда Коммуна пала, они пытались поселиться в Италии, но Итальянское Правительство их не приняло: оно не желало ссориться с французской республикой и, по совету Софьи Васильевны, они перекочевали в Петербург. Как это

²⁷ Архиепископ Парижа Жорж Дарбуа (1813–1871) был расстрелян 24 мая вместе с 63 другими заложниками (в том числе несколькими священниками) во дворе Рокеттской тюрьмы.

²⁸ В указанной выше статье «Коммуна Парижская» говорится: «Начали свою работу военные суды, которые осудили свыше 13 000 человек; из них 7500 человек было сослано, а 21 расстреляны. Число федералистов, расстрелянных без суда, в течение братоубийственной недели, Мак-Магон определяет в 15 000 человек, а генерал Аппер считает вдвое более» (с. 879).

²⁹ Мартен Бон-Луи-Анри (Martin; 1810–1883) — французский историк и политик; в 1870 г. был избран мэром 16-го округа Парижа; в 1871–1876 гг. член Национального собрания, впоследствии сенатор; автор книги «Россия и Европа» («La Russie et l'Europe», 1866).

³⁰ Ковалевская Софья Васильевна (урожд. Корвин-Круковская; 1850–1891) — математик; первая в мире женщина — профессор математики; дочь генерала от инфантерии Василия Васильевича Корвин-Круковского (1803–1875); с 1868 г. жена (первоначально фиктивная) Владимира Онуфриевича Ковалевского (1842–1883); в 1869–1874 гг. обучалась в Гейдельбергском, а затем в Берлинском университетах; в апреле 1871 г. с мужем приезжала в осажденный Париж.

ни странно, но Принц Ольденбургский предложил им лекции на Педагогических курсах и в Лицее. Здесь они жили и работали долго³¹. С Жакларом я часто встречалась у литератора В. В. Чуйко³², а Анри Мартину я давала уроки русского языка.

Вот как это бывает на свете!³³

Моя заграничная университетская жизнь

В начале июня версальцы меня, как иностранку, выпустили беспрепятственно из Парижа, а немецкий кордон, благодаря моему немецкому пассу, который на этот раз я предъявила, только поверхностно меня обыскал и даже в немецком вагоне довез до Швейцарской границы.

³¹ Жаклар Анна Васильевна (урожд. Корвин-Круковская; 1843–1887) — русская революционерка и писательница; сестра С. В. Ковалевской; жена В. Жаклара (с 1869 г.). Жаклар Виктор (Jaclard; 1840–1903) — французский журналист и революционер, член I Интернационала, активный участник Парижской коммуны, после разгрома которой был арестован версальцами; бежал с помощью С. В. и В. О. Ковалевских и В. В. Корвин-Круковского; жил в Швейцарии. В 1874 г. с женой переехал в Россию; с 1875 г. жили в Петербурге, Жаклар посещал педагогические курсы, преподавал французский язык и словесность в Патриотическом и Елизаветинском институтах — женских учебных заведениях, подконтрольных Ведомству учреждений императрицы Марии (т.е. принцу П. Г. Ольденбургскому); печатался в журналах «Слово» и «Дело».

³² Чуйко Владимир Викторович (1839–1899) — литературный критик, переводчик, журналист; с 1867 г. был корреспондентом «С.-Петербургских ведомостей» в Париже, а затем в Женеве и Риме.

³³ В «Моей автобиографии» Е. В. Балобанова о Парижской коммуне даже не упомянула. Общий негативный тон главы «Записок...», несомненно, свидетельствует о том, что она была написана до 1917 г. После Октябрьской революции Парижская коммуна стала одним из самых значимых исторических событий, чествуемых новой властью (День Парижской Коммуны, 18 марта, в декабре 1918 г. стал государственным праздником), и писать о ней в подобном тоне было совершенно недопустимо. Рассказы Е. В. Балобановой о Коммуне запомнились ученицам и знакомым, и факт ее причастности к столь знаменательному историческому событию был неоднократно отмечен. Так, в стихотворении «Великой гражданке» библиотекарь и поэт-дилетант Л. М. Шах-Паронианц писал:

Средь очевидцев сцен Парижской ты Коммуны

Была и видела все ужасы борьбы

Гражданской, обозрев жизнь бурную с трибуны,

Где кровь несчетных жертв окрасила столбы (Екатерина Балобанова... С. 65).

Особенно примечателен некролог Е. В. Балобановой, напечатанный в «Красной газете» 8 февраля 1927 г. (на следующий день после ее смерти):

«Вчера в Ленинграде, на 84-м году скончалась участница Парижской Коммуны, пионерка женского образования в России и старейшая деятельница библиотечного дела в Ленинграде Е. В. Балобанова.

Покойная была участницей Парижской Коммуны, укрывала у себя в квартире коммунаров и оказывала раненым первую медицинскую помощь. Она способствовала побегу одного коммунара, преследуемого французскими жандармами.

Покойная много лет служила по библиотечному делу» (Екатерина Балобанова... С. 55–56). Кто является автором этого текста, откуда взялись трогательные подробности о спасенном коммунаре, — нам неизвестно.

В Швейцарии, в Лозанне, я задержалась до осени у моей знакомой М-ме Леблан, имевшей там *école primaire*, и только в октябре попала в Гейдельберг, куда стремилась. Благодаря, опять-таки, немецкому пассу была беспрепятственно допущена в Университет как вольная слушательница. Профессора начали понемногу съезжаться и открывать свои курсы: приехал Феликс Дан³⁴, читавший переходную эпоху, весьма мне нужную; открыл свой курс профессор Виндиш по кельтским наречиям: *der celtische Schotze*³⁵. Я занималась у обоих. Устроиться мне удалось в студенческой меблированной квартире, недалеко от Университетской площади: народу пока собралось еще немного, а потому мы разместились весьма удобно. Между прочим, моей соседкой оказалась одна прелестная юная полька, Августа Нейман, с которой я скоро подружилась и которая имела влияние на мою дальнейшую судьбу. Августа была богатая девушка и круглая сирота, воспитывалась она в католическом монастыре, где всеми силами старались ее прикрепить, заставляя даже принять пострижение, но Августе удалось сбежать в Дрезден и поступить там в Консерваторию. В Дрездене жили в то время наши Стасовы³⁶, не помню кто из них учился там же, и Августа познакомилась с семьей своей соученицы. Когда полиция стала преследовать ее, как несовершеннолетнюю, по требованию ее католических воспитателей, Владимир Васильевич Стасов, имея большое знакомство между профессорами, перевез ее в Гейдельберг и помог ей записаться там.

В то время всё студенчество увлекалось лекциями Феликса Дана, действительно, поэтическими импровизациями; Августа, вместе со мной, записалась на них. Не прошло и половины семестра, как Дан и Августа страстно влюбились друг в друга. «*C'était un coup de foudre*»³⁷, — сказал мне учитель Августы, итальянец, преподававший ей теорию музыки. Дан в это время разводился со своей женой, и хотя они обручились к Рождеству, но дело их не подвигалось: семья жены Дана сделала затруднения, — духовенство тоже, так как оба были католики, а католическая религия развода не признает.

³⁴ Дан Феликс (Dahn; 1834–1912) — немецкий писатель и поэт, историк и философ; преподавательскую карьеру начал в 1857 г. в Мюнхене, после чего занимал кафедры в Вюрцбурге (с 1863), Кенигсберге (с 1872 г.), Бреслау (с 1888 г.); автор нескольких монографий, но широкую популярность приобрел благодаря историческим романам.

³⁵ Виндиш Эрнст Вильгельм Оскар (Windisch; 1844–1918) — немецкий языковед, санскритолог и кельтолог; в 1872–1875 гг. — профессор сравнительного языкознания в Гейдельбергском университете; вероятно, Балобанова имела в виду: «*Keltische Schätze*»; официально курс, читанный Виндишем в летний семестр 1873 и зимний 1873/74 г. назывался «*Altirische Grammatik*».

³⁶ Стасов Владимир Васильевич (1824–1906) — общественный деятель, музыкальный и художественный критик, историк искусства, библиотечный деятель. Балобанова хорошо знала также его сестру, Надежду Васильевну (1822–1895), одну из самых активных, последовательных и бескомпромиссных деятельниц женского движения в России во второй половине XIX в.; члена Комитета Общества для доставления средств Высшим женским курсам с момента основания.

³⁷ Это была любовь с первого взгляда (*франц.*).

Полиция везде искала Августу, как я уже сказала, благодаря тому, что она была еще несовершеннолетняя. Но так как полиция везде, во всех странах и во все времена медлительна и небескорыстна, то мы всё же ее прятали довольно тщательно. Когда же становилось опасно, то мы сплавливали Августу окольным путем к Стасовым. Наконец, Дан получил развод, и мы их обвенчали в тот же день в церкви Св. Петра в Гейдельберге, а в студенческом общежитии устроили им фестиваль. Во время пира явилась полиция за Августой, — но было уже поздно: Августа Нейман не существовала, а с нами пиrowала frau Dahn³⁸.

Через Августу Дан я познакомилась со всеми Стасовыми и с их русским кружком. Влюбилась в Анну Павловну Философову³⁹, — это была совершенная очаровательница! Красавица, полная энергии, всей душой преданная служению идее высшего женского образования, отдавшая всю себя без завета несению этой миссии, до конца дней своих, — (она умерла сравнительно недавно), — без капли тщеславия, без малейшей фальши, — она горела огнем и горячее ее сердце ни одной минуты не сдавалось.

Ни одна русская образованная женщина не должна забывать того, чем она обязана Анне Павловне!

Муж ее⁴⁰, известный государственный деятель, понимал, что удержать или направить жену на другой путь никто не был в силах, а потому не препятствовал ей, да и ему мы, русские женщины, очень обязаны, как я это скажу впоследствии.

Я пробыла в Гейдельбергском университете пять семестров⁴¹, а оттуда перекочевала на два последних в Геттинген, но не на свою специальность, а на курсы библиотекведения: Bibliothekskunde и Bibliothekslehre, т.е. на теорию

³⁸ Рассказ о женитьбе Ф. Дана на «прелестной юной польке Августе Нейман» имеет в основе реальную историю. Тереза Дросте-Хюльсхофф (Droste zu Hülshoff; 1845–1929) происходила из весьма родовитой, но обедневшей немецкой семьи; после смерти отца (1850 г.) она воспитывалась в монастыре сестер-доминиканок в Нанси (Лотарингия), играла на арфе, сочиняла стихи; с 1867 г. она училась в Вюрцбурге, где и познакомилась с уже известным профессором и писателем Феликсом Даном. Вспыхнул бурный (и с точки зрения современников вполне скандальный) роман: Дан был на 11 лет старше, его родители были актеры, наконец он был женат (на художнице Sophie Fries; 1835–1898). Только спустя пять лет все преграды были преодолены, и в 1873 г., уже в Кенигсберге, Феликс и Тереза Дан обвенчались (см: [Dahn F.] *Erinnerungen*. Bd. 4. Abth. 1. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1894. S. 204 sqq.; *ibid.* Bd. 4. Abth. 2. 1895. S. 95 sqq.).

³⁹ Философова Анна Павловна (урожд. Дягилева; 1837–1912) — общественная деятельница; в течение многих лет считалась неформальным лидером женского движения в России; первый председатель Комитета для доставления средств ВЖК.

⁴⁰ Философов Владимир Дмитриевич (1820–1894) — Главный военный прокурор Российской империи, член Государственного Совета, статс-секретарь Его Императорского Величества, действительный тайный советник.

⁴¹ Согласно «Моей автобиографии» Балобанова была в Гейдельберге дважды: зимой 1867/68 г. и «после франко-прусской войны» в течение неопределенного времени (Екатерина Балобанова... С. 86–87).

и практику⁴². Денег у меня оставалось немного, а кроме того, Даны уехали в Веймар⁴³, а Виндиш прекратил свой курс на целый год.

В Геттингене, при записи, от меня потребовали а) свидетельства от доктора, что я не страдаю болезнью сердца, т.е. могу беспрепятственно лазить; б) не близорука; с) и что во всё время ученья не буду носить корсета⁴⁴. Когда всё это было выполнено, меня приняли на оба курса, — чтобы не задерживаться, к Рождеству я сдала практическую часть («Bibliothekslehre»). Немного задержалась на теории, что было гораздо труднее, но всё же к концу второго семестра сдала и теорию и даже весьма порядочно. Затем я немедленно вернулась в Россию: брат меня снова пригласил на Кавказ, и я с восторгом полетела к нему⁴⁵. Только теперь он жил в Тифлисе, быв дежурным штаб-офицером у великого князя Михаила Николаевича⁴⁶, и нам обоим пришлось вести придворную жизнь, — так как нас поселили в самом дворце. Великая княгиня⁴⁷ решила меня перевоспитать и выбить из моей головы студенческие бредни, находя мои манеры ужасными! Туалетом моим она поручила заняться моей землячке, фрейлине Соничке Огаревой⁴⁸, а та должна была получать от самой Ольги Федоровны наставления, как и что следовало для меня купить, заказать и т.д. Соничка не смела ослушаться и представляла такие счета брату, что последний вошел в неоплатные долги, и я решила его спасти и уехать к матери. Великая княгиня очень одобрила такое мое решение, приписывая его всецело своему влиянию, и даже написала любезное письмо маме.

⁴² Согласно «Моей автобиографии», Е. В. Балобанова училась на библиотечных курсах при Геттингенском университете в 1869/70 г. (Екатерина Балобанова... С. 87).

⁴³ Скорее всего, «Веймарн» — описка, и Е. В. Балобанова имела в виду Веймар. Впрочем, как мы указывали выше, Феликс и Тереза Дан с 1872 г. жили в Кенигсберге.

⁴⁴ В своей книге «Библиотечное дело» Е. В. Балобанова писала о требованиях, предъявляемых к библиотекарю: «<...> он должен, несомненно, обладать здоровьем, которое не мешало бы проводить время в духоте, стоять по нескольку часов, когда приходится разбирать книги, взлезать по лестницам в шкафы и не затрудняться количеством переходов из одного этажа в другой. Я сказала бы, что библиотекарь должен быть молод, но, к сожалению, молодость и опыт — два понятия несовместимые <...>. Поэтому я ограничусь пожеланием, чтобы библиотекарь был подвижен, здоров, обладал бы всеми вышеприведенными физическими качествами, не определяя ни минимума, ни максимума его возраста» (Екатерина Балобанова... С. 29).

⁴⁵ В «Моей автобиографии» не говорится об этой поездке на Кавказ. Вероятно, все описанные ниже события следует отнести к более раннему периоду.

⁴⁶ Михаил Николаевич (1832–1909) — великий князь; с 1862 по 1881 г. наместник на Кавказе и командующий Кавказской армии.

⁴⁷ Ольга Федоровна (урожд. Цецилия Августа, принцесса Баденская; 1839–1891) — великая княгиня, жена Михаила Николаевича (с 1857 г.).

⁴⁸ Огарева Софья Николаевна (1842–1870) — фрейлина великой княгини Ольги Федоровны в 1866–1869 гг. Ее отец, генерал-лейтенант, генерал-адъютант Николай Александрович Огарев (1811–1867) в начале 1860-х гг. неоднократно исполнял должность нижегородского временного («ярмарочного») генерал-губернатора, и Балобанова могла познакомиться с С. Н. Огаревой.

Таким образом, я рассталась с Кавказом, но не навсегда: приходилось приезжать впоследствии на лето — лечиться, но жить там уже мне не пришлось никогда.

Провинциально-либеральная жизнь

В Таганроге, через который я проезжала, я нечаянно наткнулась на своего нижегородского хорошего знакомого — доктора Леонида Ивановича Рагозина⁴⁹. Он был разочарован в медицине, таких в те времена было много, и занялся различными коммерческими предприятиями, таких тоже было немало, — это было в большой моде! Он был женат на Зиновьевой из богатой и знатной семьи, — тоже по моде опростившейся! У них были свои пароходы, хлебная торговля с Италией и еще что-то подобное. Возобновив со мной знакомство и узнав, что я еду искать места, Рагозин пригласил меня остаться у них в роли как бы *une femme pour tout faire* и помогать с детьми (у них было трое крошечных), и в конторе, и на телефоне, который помещался тут же в их доме, и им почему-то нужно было иметь собственного телефониста. Со мной Рагозины были необычайно милы: доктора я знала, как уже сказала, раньше, но с его женой мы немедленно как будто тоже сблизилась. Одно только меня удивляло — это два условия, которые они мне предъявили: 1-е, я должна была скрывать весьма тщательно, что я жила и училась за границей. На мой вопрос, почему же это, они мне ответили намеками на жандармов, на коммерческие тайны и вообще на что-то такое, чего я не поняла, но смирилась; и 2-е, что они в городе знакомы со всеми порядочными и образованными людьми, а потому вводить в их кружок других неудобно.

Разочарование для меня наступило очень скоро: я поняла, во-первых, что первое условие было сплошной вздор. Дело в том, что М-не Рагозина была лицемерная и очень тщеславная особа. Она жила несколько лет в семье своей сестры, Жуковской, бывшей замужем за известным русским эмигрантом⁵⁰, — и часто гостила у другой, которая почти всё время проводила с кружком Бакунина⁵¹. Учиться Рагозина не училась, она могла отлично пускать пыль в глаза и без науки, и мое окончание Университета, хотя и вольной слушательницей, — ей совсем было не под стать. Что же касается до второго условия, то оно было столь же нелепо: кружок их состоял не только не из образованных людей, но это были льстивые господа, искавшие у Рагозиных разных материальных благ и занимавшиеся сплетнями и пересудами. Меня, разумеется, сразу все

⁴⁹ О семье Рагозиных и в первую очередь о его братьях Викторе и Евгении см.: *Колесниченко Г. В. Братья Рагозины. Начало нефтяного дела в России*. СПб.: Альфарет, 2009.

⁵⁰ Жуковский Николай Иванович (1833–1895) — революционер-народник, один из ближайших помощников М. А. Бакунина; с 1862 г. за границей, в 1864 г. заочно осужден и приговорен к изгнанию из пределов России навсегда.

⁵¹ Вероятно, имеются в виду так называемые «Южные бунтари», кружок народников-бакунистов, действовавший в 1874–1879 гг. на Украине; в его состав входили В. К. Дебогорий-Мокриевич, Н. К. Бух, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич и др.

возненавидели и только жена одного из близких друзей Рагозина не побоялась мужа, не только не сплетничала обо мне, но даже приглашала в гости. С Рагозиными жил очень милый присяжный поверенный Праотцев с гражданской женой и двумя сыновьями, маленькими мальчиками. Но М-те Рагозина свалила на эту бедную женщину и своих детей, она видела, что мне было уже совсем некогда, и всё хозяйство; так что мы с женой Праотцева иногда по неделям не успевали обменяться двумя-тремя словами. Единственно, с кем я очень подружилась, была очаровательная юная гимназистка Саша Позен. Глупый отец и злая мачеха выталкивали ее сплошь и рядом из дома, и она прибегала к нам, главным образом, в мою комнату, и мы с ней отводили душу. Сначала М-те Рагозина ее очень ласкала, но так как Саша была из ряда вон хорошенькая, то она ее очень скоро приревновала к мужу. К счастью, эта ревность помогла судьбе Саши: она уговорила отца ее отвезти ее в Петербург доканчивать образование, снабдила деньгами и поручила брату своего мужа, Евгению Ивановичу Рагозину, жившему в Петербурге, иметь попечение о Саше и ее младшей сестре, которую кстати прихватили, — чтобы освободить мачеху.

Саша вскоре вышла замуж за Евгения Ивановича, прекрасного человека, тоже в типе тех русских образованных людей, преданных искренно идее высшего образования для женщин, совершенно ничего не имеющего общего с моими таганрогскими принципами ни по идеям, ни по понятиям, ни даже по обстановке.

Боже мой, какой поднялся у нас в Таганроге Содом и Гоморра! Как смел Евгений Иванович жениться на Саше? Подняли на него всё и всех, досталось, разумеется, и мне, рикошетом. На семейном совете было решено дать денег Сашиному отцу, чтобы он немедленно скакал в Петербург и там, кажется, должен был кому-то жаловаться на то, что его дочь, несовершеннолетняя, сбежала из родительского дома. Но пришла от Саши телеграмма: Поздравь, сейчас обвенчались, — и всё было кончено. Но не для меня; так как я получила от молодых такую же депешу, то для меня настали такие кошмарные дни, что я уже не могла выдержать дальше и перешла в контору пароходства по Дону и Волге, где заправлял очень хороший человек, а его жена, М-те Рихтер, устроила меня у себя. Я никогда не рассталась бы с этой семьей, если бы не Рагозины, Таганрог и весь этот ужас. Муж Саши вызвал меня в Петербург в свою транспортную дружину⁵², так называлось его пароходство по Волге, и в половине октября я навсегда рассталась с Таганрогом и всей этой ужасной жизнью.

⁵² Пароходное акционерное общество «Дружина» было основано в 1858 г. волжскими купцами братьями Шиловыми; с 1864 г. им управлял В. И. Рагозин, женатый на дочери одного из Шиповых; Е. И. Рагозин, видимо, управлял петербургским представительством пароходства. См.: Коновалов Н. А. Деятельность пароходного общества «Дружина» (1850–1860-е) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. Т. 114. № 2. С. 133–141.

Я заново в эти записки воспоминания о той фальши, которая царила тогда почти повсюду в провинции, в либерально-интеллигентном обществе, с которой нам приходится не только теперь считаться, но которой мы обязаны нашей всей разрухой!

Мужу Саши Рагозиной, да и ей самой, я навсегда осталась благодарна и обязана всей своей последующей судьбой, но только жалко, что не удалось мне ничем существенным отплатить им!

Брат мой, приезжавший в отпуск, смеялся, поздравлял меня:

— Ну, сестренка! Ты, наконец, опять попала в хорошее *société polie*⁵³.

У Петербургских Рагозиных я, действительно, вышла снова в общество людей преданных высшим идеалам, и не только возобновила знакомство с Фило-софовой, но через нее и с другими подобными же кружками, например, с Страннолюбским⁵⁴, его друзьями Тарновскими⁵⁵ и т.п. У Рагозиных я возобновила сношения с Боборыкиным⁵⁶, другом моего детства, с его прелестной женой⁵⁷ и многими другими.

После Севастопольской войны⁵⁸

<...>

Тогда было разрешено Университетам допускать институток, окончивших с отличием, к университетскому экзамену на преподавательницу того или

⁵³ Приличное общество (*франц.*).

⁵⁴ Страннолюбский Александр Николаевич (1839–1903) — деятель народного и женского образования, педагог, математик-методист; контр-адмирал.

⁵⁵ Тарновская Варвара Павловна (1844–1913) — общественная деятельница; член Комитета Общества для доставления средств ВЖК с момента основания и до самой смерти (с 1903 г. — председатель). Ее муж Тарновский Ипполит Михайлович (1833–1899) — врач-гинеколог и акушер-практик, преподаватель; также занимал различные административные должности по медицинской части.

⁵⁶ Боборыкин Петр Дмитриевич (1836–1921) — писатель, журналист; родился в семье нижегородского помещика, учился в Нижегородской гимназии.

⁵⁷ Боборыкина Софья Александровна (урожд. Зборжевская; 1845–1925) — жена П. Д. Боборыкина; в юности актриса, впоследствии занималась литературным трудом: автор повестей и рассказов, переводов с французского.

⁵⁸ В настоящей главе Е. В. Балобанова, вероятно, планировала описать предысторию создания Бестужевских курсов. Основным источником сведений для нее послужила статья А. Н. Анненской «Исторический очерк возникновения и деятельности “Общества для доставления средств Высшим Женским Курсам в С.-Петербурге” за 25 лет», написанная для юбилейного сборника (С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903: Очерки и материалы. СПб.: Ком. О-ва для доставления средств Высшим женским курсам в С.-Петербурге, 1903. С. 1–242). Увлечшись реферированием, Балобанова отвлеклась от своего мемуарного замысла; получившийся в итоге текст отличается от предыдущих глав «Записок...» по стилистике, часто непоследователен и даже бессвязен. Мы опускаем объемные реферативные фрагменты, сохранив только один собственно мемуарный эпизод.

иною предмета. Я немедленно вернулась в Россию весной 1867 года⁵⁹, чтобы выдержать такое испытание в Москве: Петербургский университет был закрыт после истории 66 года!⁶⁰ Моей матери, очень любившей всякие протекции, очень улыбалась мысль протолкнуть меня посредством Дмитрия Ивановича Иловайского⁶¹, ее старинного знакомого. Дмитрий Иванович, желая сделать ей приятное, пригласил на чашку чая нас и многих профессоров, между прочим, грозу того времени профессора богословия священника Сергиевского⁶², который, узнав, что я из заграничного университета и претендую на роль преподавательницы истории, уделил мне полвечера на беседу, а когда я пришла через два дня узнать, когда мне назначено испытание, мне вернули обратно бумаги с пометкой рукой Сергиевского: «в вере не крепка». Карандашную пометку мы с Иловайским стерли, но время было уже позднее, начало мая, и я на пароходе из Нижнего с письмом Д. И. Иловайского помчалась в Казань, к тамошнему профессору истории Горскому⁶³, который учил меня в Нижегородском институте, когда еще не перешел в Казань. Горский живо устроил без задержки испытание, и 17 мая я выдержала оба экзамена: и по богословию, и по истории, как русской, так и всеобщей, на полный балл. Но мне оставалось еще выдержать из географии, которую не преподавали в Университете, а потому пришлось держаться в I-й гимназии. Попечитель округа, Шестаков⁶⁴, был в отпуску, и его заме-

⁵⁹ Согласно «Моей автобиографии», Е. В. Балобанова уехала за границу в 1866 г. и не возвращалась в течение нескольких лет. Описываемые ниже события, вероятно, имели место вскоре после окончания Мариинского института (1862 г.) в связи с желанием открыть собственную школу (см. выше). Рассказ о сдаче экзамена по географии, выдержанный в стилистике школьного анекдота, мог в качестве одного из источников иметь рассказ брата Сергея о его обучении (его письма из кадетского корпуса упоминаются в «Воспоминаниях институтки»).

⁶⁰ В связи с волнениями студентов С.-Петербургский университет был временно закрыт с 20 декабря 1861 г. С осени 1862 г. открылся физико-математический факультет, а с осени 1863 г. и все остальные.

⁶¹ Иловайский, Дмитрий Иванович (1832–1920) — историк; окончил Московский университет (1854 г.), после чего преподавал в гимназии в Рязани; в 1858 г. вернулся в Москву, защитил в университете магистерскую диссертацию, в 1860 г. был избран адъюнктом по кафедре всеобщей истории, на следующий год был отправлен в заграничную командировку, а по возвращении, в 1862 г., вышел в отставку и посвятил себя научной и публицистической деятельности; автор самых известных гимназических учебников по истории (всего более 150 изданий).

⁶² Сергиевский Николай Александрович (1827–1877) — профессор богословия и настоятель церкви Московского университета с 1858 г., с 1863 по 1884 г. ординарный профессор кафедры церковного законодательства юридического факультета Московского университета.

⁶³ Горский Сергей Дмитриевич — учитель истории 2-й Казанской гимназии (1856–1867 гг.) (см.: *Смоленский С. В.* Воспоминания: Казань, Москва, Петербург. М.: Языки славян. культуры, 2002. По указ.). О преподавании С. Д. Горского в Нижегородском Мариинском институте нам ничего неизвестно.

⁶⁴ Шестаков Петр Дмитриевич (1826–?) — в 1865–1883 гг. попечитель Казанского учебного округа.

нял генерал Анненков⁶⁵. Нас, аспиранток, набралось человек 5–6, и генерал сам приехал на экзамен. Анненков был не только близорук, но почти слеп — носил двое очков и еще имел лорнет. Мне достался билет об Ост-Индии, о которой я решительно не имела никакого понятия и встала в совершенный тупик. Смело начертила известный треугольник, но не знала, что же мне делать дальше. Но вдруг генерал, увидя мой решительный чертеж, одобрительно улыбнулся:

— Прекрасно, барышня, вот как смело начертили, ну а теперь расскажите мне что-нибудь об этих английских торгашах!

Я вспомнила прочитанную мною статью во «Всемирном путешественнике» о восстании сипаев против англичан в 1857 году и, была не была, стала ее излагать самым бессовестным образом. Генерал сел на стол, до того времени всё стоял, и выслушал меня до конца.

— Прекрасно, барышня, прекрасно, поставим ей полный балл, — обратился он к учителю и уехал, не слушая других. Учитель, морщась, всё же поставил мне 4, с генеральской отметкой вышли нужные 4½, и экзамен прошел блистательно.

— А ведь это подло, — сказал мне учитель по окончании испытаний, — пользоваться чужой слабостью.

— Я же думала, — ответила я, — что если не подло, то всё же нехорошо задавать вопрос экзаменуемой не по курсу географии по программе средних учебных заведений.

Учитель сконфузился, и всё было кончено. Нам выдали «Временное свидетельство» как первым пионеркам, но мы ими не могли воспользоваться, так как начались политические истории, и из нас, успевших выдержать этот экзамен (кажется, нас было человек 15–20), попало девять в этих глупых политиках, и у нас всех отобрали и Временные свидетельства и подписку, что мы ими не имеем права пользоваться.

Выдержав этот экзамен, я снова уехала в Гейдельберг <...>

References

Biblioteka Bestuzhevskih kursov: Istoricheskaya hronika v svidetelstvakh I dokumentah / Sost. A. V. Vostrikov. SPb.: SPbGU, 2009.

Volkov S. V. Russkij oficerskij korpus. M.: Voenizdat, 1993.

Ekaterina Balobanova, bibliotekar` Bestuzhevskih kursov: Trudy, dokumenty, vospominaniya / Sost., avtor st. i komment. A. V. Vostrikov. SPb.: SPbGU, 2014.

Kononov N. A. Deyatel'nost' parohodnogo obshchestva «Druzhina» (1850–1860-e) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki. 2013. T. 114. № 2. S. 133–141.

Kolesnichenko G. V. Bratya Ragoziny. Nachalo neftyanogo dela Rossii. SPb.: Alfaret, 2009.

Makferson D. Poehmy Ossiana Dzhemsa Makfersona (J. Macpherson. Poems of Ossian) / Issled., per. i primech E. V. Balobanovoj. SPb.: Zhurn. «Panteon literatury», 1890.

Podolskaya I. I. Balobanova Ekaterina Vyacheslavovna // Russkie pisateli 1800–1917: Biograficheskij slovar. M.: Sov. ehnciklopediya, 1989. T. 1: A–G. S. 146.

S.-Peterburgskie vysshie zhenskie kursy za 25 let. 1878–1903: Ocherki I materialy. SPb.: Kom. O-va dlya dostavleniya sredstv vysshim zhenskim kursam v S.-Peterburge, 1903.

⁶⁵ Если наше предположение об источнике эпизода верно, то, возможно, речь идет о генерале от инфантерии Николае Петровиче Анненкове (1790–1865), участнике войны 1812 г., члене Совета Главного управления и инспекторе военно-учебных заведений.

Semenihina M. V. Irlandskie motivy v russkoj literature Serebryanogo veka // Mify i realnost v sovremennoj angloyazychnoj kartine mira: Sbornik materialov konferencij. Vyp. 1 / Pod red. I. B. Rubert. SPb.: Izd-vo SPbGUEF, 2011. S. 73–81.

Smolenskij S. V. Vospominaniya: Kazan, Moskva, Peterburg. M.: Yazyki slavyan. kultury, 2002.

Talanova A. N. Bretonskaia kultura v tvorchestve E. Balobanovoj // Obraz evropejca v russkoj i amerikanskoi literaturah: Materialy IX mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Hudozhestvennyj tekst i kultura» 20–22 oktyabrya 2011 goda. Vladimir: Tranzit-IKS, 2012. S. 60–64.

Dahn F. Erinnerungen. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1890–1895. Bd. 1–5.

Список литературы

Библиотека Бестужевских курсов: Историческая хроника в свидетельствах и документах / Сост. А. В. Востриков. СПб.: СПбГУ, 2009.

Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат, 1993.

Екатерина Балобанова, библиотекарь Бестужевских курсов: Труды, документы, воспоминания / Сост., автор ст. и коммент. А. В. Востриков. СПб.: СПбГУ, 2014.

Колесниченко Г. В. Братья Рагозины. Начало нефтяного дела России. СПб.: Альфарет, 2009.

Коновалов Н. А. Деятельность пароходного общества «Дружина» (1850–1860-е) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2013. Т. 114. № 2. С. 133–141.

Макферсон Д. Поэмы Оссиана Джамса Макферсона (J. Macpherson. Poems of Ossian) / Исслед., пер. и примеч. Е. В. Балобановой. СПб.: Журн. «Пантеон литературы», 1890.

С.-Петербургские высшие женские курсы за 25 лет. 1878–1903: Очерки и материалы. СПб.: Ком. О-ва для доставления средств Высшим женским курсам в С.-Петербурге, 1903. С. 1–242.

Семенихина М. В. Ирландские мотивы в русской литературе Серебряного века // Мифы и реальность в современной англоязычной картине мира: Сборник материалов конференций. Вып. 1 / Под ред. И. Б. Руберт. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. С. 73–81.

Таланова А. Н. Бретонская культура в творчестве Е. Балобановой // Образ европейца в русской и американской литературах: Материалы IX международной научной конференции «Художественный текст и культура» 20–22 октября 2011 года. Владимир: Транзит-ИКС, 2012. С. 60–64.

Dahn F. Erinnerungen. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1894. Bd. 4. Abth. 1. S. 204 sqq.; ibid. Bd. 4. Abth. 2. 1895.